

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«А. СМОЛИН – ВЕДЬМАК»

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ
ТЕНЬ СВЕТА
ЧАС ПОЛНОЛУНИЯ**

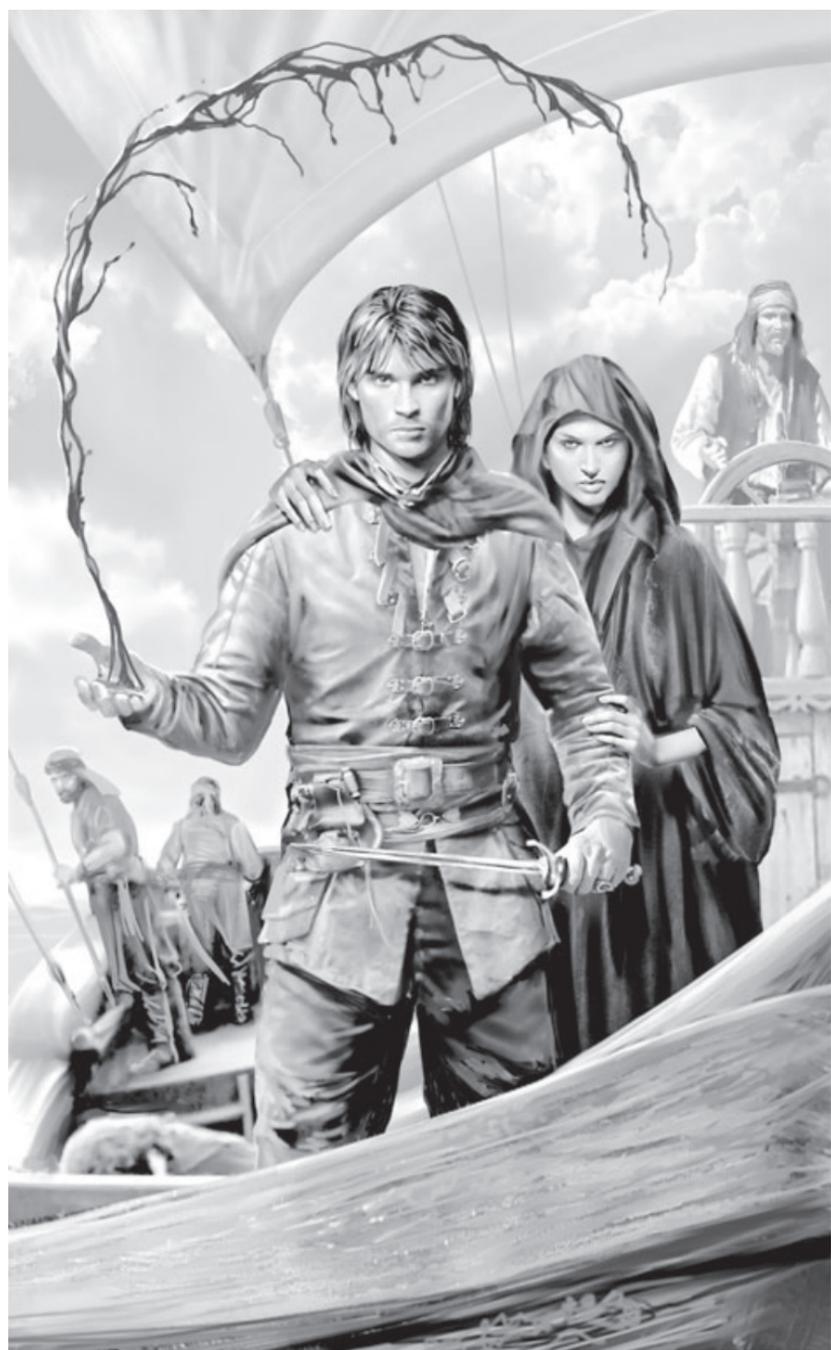
Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА
СЕЯТЕЛИ ВЕТРА
ЧУЖИЕ НЕБЕСА**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧУЖИЕ НЕБЕСА

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1185

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Чужие небеса: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2972-1

Когда ты изгнан из своего дома и на тебя открыта охота, то поневоле начинаешь платить миру той же монетой. Потому нет ничего странного в том, что маг Ворон и его ученики отныне не особо церемонятся с теми, с кем их сводит судьба. Да и с чего бы? Ведь теперь над ними чужие небеса...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2972-1

ГЛАВА 1

Если бы кто-то спросил у меня, что именно является самой большой диковинкой, увиденной в Семи Халифатах, то я бы ответил: «Ночное небо». Не распутные до крайности нравы, которые поражают воображение даже таких выдавших виды людей, какими являются Фриша, Мартин и Гарольд, не гигантские базары, по которым можно ходить часами, не обойдя даже и половины, не врожденное двуличие местных жителей и не странные мировоззрения. Нет.

Небо. Такое, какого никогда до того мне видеть не приходилось, даром что я уже успел побывать в этих краях ранее. Но в те дни у меня другие печали были, тогда я сначала гадал, что нас в Гробницах ждет, потом же вовсе не до синевы над головой стало, больно на земле дела невеселые шли. А вот сейчас у меня есть время на то, чтобы осознать, какая красота царит над мной и как она отличается от того, что творится вокруг.

Ночь, ночь стояла над Халифатами, и лунный свет заливал пустыню, словно река — берега во время половодья.

Я стоял у шатра, смотрел на небо и размышлял о том, что время здесь и в тех местах, откуда мы прибыли, все-таки течет по-разному. Тут, на Востоке, оно тянется, его ход можно ощутить чуть ли не физически. А там, в Центральных королевствах, все обстоит совсем по-другому. Может, потому что там все постоянно спешат? Спешат жить, любить, богатеть, умирать, наконец? Там вчерашний день не имеет никакой ценности, все решает сегодня. И, может быть, чуть-чуть завтра.

А тут — другое дело. Здесь сильны традиции, они определяют жизнь человеческую. Тут, в Халифатах, все пропитано уважением к тому, что случилось не только вчера, но и сто, двести лет назад. Горшечник учит сына своему мастерству

точно так же, как когда-то его наставлял собственный отец. И этот сын со временем приведет в ту же мастерскую своего отпрыска, чтобы повторить ему слова, услышанные в юности от родителя. Нравится молодому человеку эта перспектива или нет — никого не волнует. Такова его судьба.

Хотя, по сути, на этом строятся благополучие и стабильность Семи Халифатов. В них нет места народным волнениям, последним просто неоткуда взяться. Каждый знает свое будущее заранее, так чего бунтовать? Разве что нищие изредка пробуют буянить, но с ними отлично справляется городская стража. Впрочем, не поручусь за то, что и это тоже не традиция. Скажем, каждого десятого числа второго летнего месяца нужно постучать костью о прилавок торговца специями, того, что стоит пятым в третьем мясном ряду, а после перевернуть оный.

И месть тут, в Халифатах, тоже носит не столь стихийный характер, как у нас, в Королевствах. Здесь никто моментально не вспыхивает как факел, не несется немедленно, размахивая оружием, к дому врага и не устраивает стихийные разгромы, поджоги и смертоубийства.

Нет, это блюдо тут подают красиво. Так, чтобы потом почтенным старикам во дворце местного эмира было о чем поговорить. Представьте себе, к их мнению прислушиваются и от него здесь кое-что зависит. У нас такое не принято, а слова тех, кто уже не может за себя постоять, принято пропускать мимо ушей. Пусть себе бормочут, воздух сотрясают попусту.

В Халифатах мнение старших иногда стоит больше, чем слово владыки. Особенно если его изрек отец этого самого владыки, тот, что раньше сам сидел на престоле, а после передал его сыну. Во избежание, чтобы не придушили во сне подушкой, сочтя, что папа зажился на белом свете. Подобное в этих местах не редкость. Но можете быть уверены в том, что подушка будет сшита из самого дорогого материала и украшена традиционной для подобных случаев золотой вышивкой. А после мероприятия она займет свое место в дворцовой сокровищнице как ценная семейная реликвия.

Так вот — месть. Мечь в Семи Халифатах является искусством, потому обставляют ее торжественно и изящно. Просто

убить — это, по местным меркам, слишком мелко. Жертва должна знать, за что умирает, ей полагается корчиться в судорогах и конвульсиях, физических и моральных. Она должна целиком и полностью осознать, насколько мерзко было ее земное существование и насколько ужасен конец жизни. Ужасен — и заслужен. Само собой, в одиночку такое проверить сложно, у приговоренного к смерти есть и друзья, и родня, потому мстителю нужны те, кто встанет за его спиной, причем желательно, чтобы эти люди были ему не слишком дороги, но при этом на них можно было положиться. Просто друзей терять никто не хочет, а aby с кем в бой не пойдешь. И вот тут вспоминают о тех, кто готов защитить вашу честь за наличный расчет. Например, о нашей дружной компании. Понятно, что какой-нибудь глиномес или бахчевник не могут себе позволить нанять не то что весь наш отряд, состоящий из почти двух десятков магов, но даже парочку бойцов из него. Зато богатые старинные роды или даже владыки небольших государств, разбросанных по карте Семи Халифатов, — запросто.

Да, мы стали наемниками. Чего отмахиваться от свершившегося факта? Ведь так все и обстоит на самом деле. Мы те, кто выполняет грязную работу, правда, при этом красиво обставленную и отлично оплачиваемую.

Нет, разумеется, все задумывалось совсем не так, не собирались мы становиться на данную стезю. Но жизнь есть жизнь, с ней не поспоришь.

Отец Агнесс, который по прибытии в Анджан приютил в своем доме нашу измученную событиями последних месяцев компанию так, будто мы все были его детьми, сделал все, что только мог. Он употребил все свое влияние, и через пару недель мы уже были в Халифатах, где и предстали перед Сафаром, падишахом падишахов, повелителем Вселенной. Последнее — не моя придумка, так его называли придворные. Впрочем, если перечислять все титулы данного властителя, дня не хватит.

При этом Сафар оказался вполне еще молодым человеком, лишенным излишней кичливости, обладателем очень острого ума и тонким политиком. Подозреваю, что именно из-за последнего обстоятельства он отказался распростра-

нить на нас свое покровительство. Ему были не нужны лишние проблемы. Хотя, возможно, здесь приложил руку и старый приятель нашего наставника, маг по имени Сезар Вилеруа, стоящий по правую сторону от трона Сафара, пусть и не самым первым, а пятым. В Халифатах близость царедворца к правителю определяется тем, по какую руку от трона он стоит и как близко к нему. Позиция Вилеруа, судя по его местоположению в пространстве, была более чем стабильна.

Но конкуренты никому не нужны, о чем, собственно, Ворон и сообщил нам после встречи с этим господином. А тот данное обстоятельство даже и не скрывал. При этом Вилеруа заверил нашего учителя в том, что палки в колеса вставлять не станет и попробует через свои связи подыскать нашей компании место потеплее при каком-нибудь повелителе помелкотравчатей.

Тем более что Сафар, на людях отказавшийся дать нам пристанище, на самом деле ничего против Ворона не имел. Более того, ему понравилась наша история, а особенно та часть, в которой мы изрядно натянули нос ордену Истины. Так понравилась, что он даже взял на себя все расходы, связанные с нашим пребыванием в столице. А еще он преподнес дорогие подарки нашему наставнику и отцу Агнесс, чему последний радовался как ребенок. Ну и девочкам нашим он прислал чуть ли не два воза фруктов и цветов. По местным меркам такие поступки повелителя говорят о его крайнем расположении к человеку.

Уж не знаю, трудами ли Вилеруа, стремившегося побыстрее убрать с глаз возможного конкурента в лице Ворона, или все-таки по протекции Сафара, но через пару дней нам поступило предложение отправиться ко двору эмира Зеймура, правителя одной из провинций Халифатов. Не самая большая провинция, не самый пышный двор, но выбирать на тот момент все равно было особо не из чего. К тому же нам очень хотелось побыстрее убраться куда-нибудь подальше от тех мест, где много лишних глаз и ушей. Ворон был уверен, что рано или поздно до нас попытаются добраться эмиссары ордена.

И он оказался прав. Правда, случилось это через полгода, но факт есть факт. И, скажу вам, орден не поскупился. Он нанял почти три десятка матерых головорезов, которые подго-

товили покушение на славу, вот только не учли тот факт, что к тому времени Зеймур, оказавшийся троюродным братом Сафара, уже сообразил, что родственник ему не головную боль подкинул, а курицу, несущую если не золотые, то уж точно серебряные яйца.

Но обо всем по порядку.

Изначально мысли о том, что мы могли бы заняться таким ремеслом, как наемничество, нам и в голову не приходили. Все, чего мы хотели, — это тишины, покоя и возможности продолжить обучение. Ну и еще вернуться через какое-то время в Центральные королевства, чтобы собрать долги. Желательно — с процентами.

Потому предложение Зеймура, которое он сделал нашему наставнику, слегка нас огорошило. Сами посудите — эмир представил ему бородатого и пузатого купца из старинного рода, которого негодяи из банды Кривого Ардо на днях лишили огромного каравана, битком набитого шелками, винами и пряностями. Причем достойнейший купец далеко не первая жертва этого мерзавца, счет уже на десятки пошел.

Увы, но войско Зеймура не настолько велико, чтобы он мог отправить достаточное количество воинов разорить разбойничье гнездо, которое те свили в горах, но, может, великий маг и его питомцы возьмут на себя этот труд? Не бесплатно, разумеется. Купцы скинулись наличностью и назначили приз за головы Кривого Ардо и его помощников. Плюс — отдельная награда за полный разгром шайки.

Не скажу, что данное предложение вызвало у нас прилив энтузиазма. И воевать не сильно хотелось, да и тащиться в пустыню — тоже. Опять эти солнце, жажда, змеи.

Спора нет, деньги нужны, расположение эмира — тоже. Но самое главное — Ворон не оставил нам выбора. Он сразу сказал: «Выдвигаемся завтра». Просто наставник уже знал, кто такой Зеймур, и понял, что дело не только в докучливых разбойниках. Что они? Обычное дело. Этих перебьем, через месяц новая шайка появится.

Это проверка. На нас решили посмотреть в деле, чтобы понять — нужны мы на землях Халифатов или нет. Все это он нам объяснил уже в пути, когда мы покинули город. Как и то, что надо костями лечь, но доказать свою полезность.

Доказали. Перебили почти сотню головорезов, которые оказались очень прыткими ребятами, Фальку и Монброну довелось даже сталью позвенеть, когда пятеро особо резвых бандитов почти добрались до тех позиций, с которых мы поливали их горный лагерь огнем, ядовитым дождем и тому подобными магическими изысками.

Награду нам вручили торжественно, правда, мешок с ней изрядно похудел с того момента, как Ворон его впервые увидел. Собственно, Зеймур особо и не скрывал того, что изъят из него треть от общей суммы. Как налог.

Причем Роза, услышав данную фразу, презрительно сморщилась и заявила:

— Посреднику и десятины бы хватило.

Через неделю наставника снова пригласили во дворец, угостили чаем и сладостями, а после изложили новую просьбу, важную и неотложную. Надо было помочь одному юному принцу из глухой и дальней провинции отобрать престол у его дядюшки-узурпатора. Нет-нет, интрига сплетена, война объявлена, но вот битва... С той стороны имеется пара магов, и было бы замечательно, если бы великий маг и его питомцы взяли на себя труд поддержать отважного и перспективного молодого человека в его притязаниях. Разумеется, не бесплатно...

Мы поддержали принца, причем в той битве чуть не погибла Фриша, которая зачем-то ринулась в самую гущу боя, а после умудрилась влезть в противостояние с магом, поддерживающим узурпатора. Если бы не Монброн и Фальк, которые успели это заметить, то точно конец бы ей пришел.

Обошлось. Юный принц после переслал Зеймуру сундук золота, из которого нам досталось ровно две трети, Ворону подарил своего любимого белого слона, а Фрише, которая умудрилась с ним еще и переспать, вручил магический посох из слоновой кости, инкрустированный золотом и сапфирами. Магии в данном артефакте не было ни на грош, зато стоил он немало.

Но самым полезным приобретением являлась грамота от Сафара, в которой говорилось о том, что отныне мы можем проживать на территории Семи Халифатов столько, сколько пожелаем. И что на нас распространяются его защита и благосклонность, ибо мы твердо стоим на позициях добра и света.

— Не такой судьбы я желал вам, — проворчал Ворон, огласив свиток. — И себе на старости лет.

— По-моему, все замечательно! — не согласилась с ним Магдалена. — Нам теперь нечего бояться!

— Магда, ты дура, — сообщила ей Роза. — Ты еще не поняла? Мы теперь на службе у Сафара. Мы наемники. Он проверил нас в деле и доволен тем, как все прошло.

— Ну и что? — хрустнул яблоком Карл. — Чем плоха работа наемника? Да в ней для нас плюсов больше, чем в какой-либо другой. И практикуемся, и действовать слаженно учимся. Да еще и золота заработаем.

— Самое забавное в том, что Фальк прав, — усмехнулся Ворон. — Нам надо на что-то жить и необходимо покровительство свыше. И еще, как бы резко это ни прозвучало, — вам нужно учиться убивать. Впереди большие битвы, вы должны быть готовы равнодушно смотреть на чужую кровь, стекающую с ваших рук.

Потом еще несколько раз вспыхивали споры по поводу того, что мы маги, а не головорезы, особенно после пары особо грязных заданий по тотальному уничтожению кочевых племен. Нет, эти ребята были отменные мерзавцы — конокрады, убийцы и насильники, их обязательно изничтожить следовало. Но сколько же там крови утекло — ужас!

Ничего. Пообтерлись, притерпелись. А через полгода тайная стража Сафара выследила группу наемных убийц, посланная орденом Истины. Те до нас даже добраться не успели.

Их казнили на главной площади в течение пять дней, одного за другим. Изобретательно и безжалостно, всякий раз сообщая, за что именно они несут мучения. За то, что задумали лишить жизни верных слуг эмира Зеймура, за то, что злоумышляли на жителей Семи Халифатов, за то, что вообще решились на убийство. Закон есть закон, он охраняет жизнь граждан, даже если та ни гроша не стоит. Но в первую очередь их так мучили за то, что они вступили в связь с орденом Истины. Вслух это не прозвучало, но имеющий уши да услышит.

Сафар отлично понимал, кто именно станет его главным врагом в грядущей войне и кто склоняет Королевства к тому, чтобы эта война началась.

Мы не могли не оценить такой поступок, равно как и то, что нам четко дали понять — вы с нами хорошие и мы с вами такие же. Собственно, после этого случая дискуссии на тему «кем мы стали» прекратились полностью.

К тому же Карл оказался прав. Все то, чем нам приходилось заниматься, заточивало бойцовские умения как камень сталь. Разумеется, я говорю не о махании шпагой, а о магической составляющей. Мы научились соразмерять свои возможности и грамотно распределять их, исходя из той или иной ситуации, поняли, что такое стратегия боя, изучили сильные и слабые стороны друг друга. И еще кое-кто из нас научился убивать без жалости и сострадания. Большинство и до Халифатов прекрасно подобное умело делать, но некоторые из наших девушек — нет. Не в состоянии они были себя переломить и хладнокровно забрать чью-то жизнь. Но то раньше. А теперь у них выбора не было, и они это поняли.

Не скажу, что мы стали лучшими из лучших, это неправда. Но и не худшими — это точно. Против объединенных сил Линдуса Восьмого нам не устоять, но в составе хорошего войска мы не затеряемся.

Больше скажу — многим из нас, включая, кстати, и меня, такое существование вообще пришлось по душе. А что? Есть чем заняться, платят за это здорово, опять же — уважают нас во дворце. Чем плоха такая жизнь? Ни от кого бежать не нужно, можешь ходить прямо, не горбясь, и голодным спать не ложишься.

Разумеется, никто из нас не забыл той безумной скачки сквозь холод и снег, тела наших друзей, которые мы даже не смогли похоронить, и липкий страх, в котором мы жили неделями. Такое из памяти не уходит, подобное выжжено в ней навсегда. Но любые воспоминания тускнеют по мере того, как из сердца уходит боль. Время как ветер, оно тушит костер памяти, засыпая его песком новых событий, встреч и забот. Потому все чаще и чаще можно было услышать фразы вроде: «Может, ну их, эти Королевства? Чего мы там не видели?»

Ворон знал, что подобные слова звучат, но никак это не комментировал. И даже по его лицу было невозможно понять, что он на этот счет думает. Впрочем, нас обратно в Цен-

тральные королевства никто особо и не звал. Там сейчас и без нас весело было.

Новости в Семь Халифатов из-за морей поступали редко, но даже из того, что доносила молва, становилось ясно, что все пошло не совсем так, как планировал Линдус Восьмой. Многого ему удалось достичь, это так. Многого — но не всего.

Он сумел под себя подмять большинство государств, особенно тех, в которых правили разжиревшие и безвольные повелители вроде покойного Стивена Третьего, того, что некогда правил Форнасионом. Врать не стану — порадовался, когда узнал о внезапной смерти от какой-то мудреной болезни, настигшей данного монарха дня через три после того, как мы покинули пределы его королевства. Хворь оказалась на диво быстрой и пожрала бедолагу-короля за считанные часы. Думаю, это был яд. Хотя, может, и удавили его по-простому, без всяких премудростей. Да и магию со счетов сбрасывать не стоит.

Впрочем, не столь важно, как оно там случилось на самом деле. Главное — поделом. Этот гад Стивен Третий мог спасти Луизу и Робера. Мог — но не стал.

Что характерно — все семейство отправилось вслед за своим главой, включая невесток, внуков и ближний круг прислуги. Эпидемия, однако. Был королевский род Лигернов — и нет его. А после опустевший трон без всяких проволочек и формальностей достался еще одному отпрыску династии Линдусов.

И вот таким образом пало немало королевств, одно за другим. Но были и те, кто не собирался вставать на колени, предпочитая умереть на поле боя.

Например, Эйлинзас. Маленькое государство, иное герцогство больше по размеру. Не исключено, что Линдус Восьмой даже и не стал бы тамошнего правителя убивать, просто объявил, что вводит протекторат, — и только. У него сыновей не так много, чтобы ими каждую дыру затыкать.

Но нет, не захотел тамошний король гнуть шею. Он официально заявил посланцам Линдуса что считает невозможным для себя порочить память предков, от которых наследовал престол, порвал их верительные грамоты и адресованное ему письмо Линдуса, а через несколько дней неистово рубил-

ся в сече у стен своей столицы. Само собой, город пал, как и король, но пример неповиновения был дан.

Кстати — город Линдусу так и не достался. Его спалили дотла местные жители. Собственноручно. Остатки же армии, составившие добрую тысячу латников, с потерями и трудностями добрались до Асторга, где их охотно и приняли на службу. Первых, но не последних, надо отметить. Потом туда же направились многие из тех, кто не очень одобрил новые порядки и нового господина.

А Асторг охотно привечал всех, кто был недоволен происходящим. Линдус по этому поводу открытого недовольства не высказывал, соблюдая подобие нейтралитета, но это только пока. Пока у него других дел полно, имеется в виду.

Но главной головной болью для него стали эльфы. Да-да, эльфы, его вроде бы союзники. Он, как и многие до него, пал жертвой самоуверенности. Линдус с чего-то решил, что король Меллобар сдержит те обещания, что были даны в то время, когда интрига в Центральных королевствах только закручивалась.

А он взял да и обманул своего партнера. Нет, первую часть договора эльфийский король выполнил полностью, он Фольдштейн захватил и всю знать там перебил. Но вот сидеть за рекой, в своих извечных владениях, не пожелал. А зачем? Лишних земель не бывает, тем более что королевство покойного папаша Аманды было не из бедных. Да и соседи у него зажиточные имелись. Например, та же Сезия, с ее нивами, стадами коров и серебряными рудниками.

Короче, по новой обосновались эльфы на людских землях, причем всерьез и надолго. И уже вовсю присматривали место для шага вперед.

Как противникам Линдуса Восьмого, нам подобное слышать было радостно, но печальная нотка в этом всем имелась. Тот факт, что Аманда мертва, теперь ни у кого не вызывал никакого сомнения. Если даже ее не убили по дороге к отчому дому, то на его пороге точно она свою смерть встретила. Эльфы вообще людей не жалуют, а особенно тех, которые строптивы и опасны. Наша же бывшая соученица была как раз из этой самой породы. Причем более чем.

В общем, потряхивало Центральные королевства изрядно, о чем не без удовольствия рассказывал Ворону его давнишний приятель в те дни, когда мы навещали столицу Халифатов. Но не только он был нашим источником новостей. Кое-что мы узнавали от дона Игнасио, отца Агнесс, в доме которого каждый из нас побывал не раз. Нам там нравилось. Приятно иногда почувствовать, что тебе рады, а де Прюльи действительно относились к нам как к родным.

Но самые достоверные вести с родины нам приносили те, кто состоял на службе у рода де Фюрьи. И рассказывали они их лишь Розе и мне.

В первый раз посланцы Гейнарда появились где-то через месяц после того, как мы обосновались при дворе Зеймура. Детали мне неизвестны, знаю только, что они каким-то образом связались с Розой. С тех пор хотя бы раз в месяц нас навещали хмурые люди, которые передавали моей девушке деньги, какие-то письма и устные распоряжения ее брата. Ну и сообщали новости. Не сомневаюсь, что знали они больше, чем говорили, но лучше хоть что-то, чем ничего.

Что интересно, мне тоже как-то раз вручили увесистый мешок золота. Как выяснилось, Гейнард не забыл своего обещания и выплатил полагающийся процент за помощь в давней силистрийской сделке. Я был очень удивлен, не сказать — тронут. Ну да, мы не бедствовали, но золото — оно всегда золото.

Хотя с «не бедствовали» я немного поскромничал.

Роза развернулась в Халифатах во всю ширь, ее практическая хватка меня и восхищала, и поражала одновременно. За прошедший год с небольшим она умудрилась наладить контакты и с контрабандистами, лихо ввозившими в Халифаты товары в обход немаленьких таможенных сборов, и с купцами, и с городской стражей. И с даже торговцами запрещенными товарами вроде дурман-травы, что было крайне небезопасно, зато очень прибыльно.

Через нее проходили огромные деньги, полученные за товары, присылаемые из Асторга. Впрочем, эти деньги очень скоро снова превращались в товары — специи, жемчуг, драгоценные породы дерева и прочие изыски Халифатов, после чего груженные доверху корабли тайными маршрутами плыли назад, в Королевства.

Сколько золота прилипало к ее рукам — понятия не имею. Но, думаю, ее обещание о том, что мы рано или поздно купим дворец с фонтанами, рабами и павлинами, уже могло бы быть осуществлено.

Только смысла в этом не было. Беды прошлого слишком сильно нас всех сплотили, потому жить мы предпочитали все вместе. К тому же, несмотря на все славословия, мы все равно оставались чужаками в чужой стране.

Деньги, полученные за первые задания, мы вложили в дом, находящийся недалеко от дворца Зеймура. Не знаю, кто в нем жил раньше, но пустовал он давно по той причине, что был очень, очень велик. Обычным жителям такая домина была без надобности, а покупать его для последующего сноса оказалось дороговато.

Зато для нас это здание, в котором имелось три десятка комнат и четыре огромных залы, не считая подсобных помещений, оказалось именно тем, что нужно. У нас снова появился свой кров, откуда не хотелось уезжать. Тем более что все равно в городе мы проводили не так много времени. Всегда находился «хороший человек», которому была нужна наша помощь, потому то и дело мы снова покидали родные стены, отправляясь в путь.

Увы, не обошлось и без потерь. В одной из таких поездок погиб молчаливый и надежный Шарль Лирье. Нелепо погиб. Его растоптали слоны. Мы усмиряли слишком много о себе возомнившего наместника какой-то провинции с непроизносимым названием, что обычное в принципе дело. Все шло как всегда — без особого труда разогнали войско, схомутали наместника и уже было хотели объяснить ему, где, как и в чем он был не прав, но тут откуда-то вылетели четыре серых гиганта с огромными бивнями и забавными палатками на спинах. Может, их огненные шары напугали, может, еще чего, но своих погонщиков они больше не слушались. Один из этих слонов и раздавил своей круглой ножищей бедолагу Шарля. То, что мы хоронили, телом назвать было сложно.

Ворон ужасно злился, долго топал ногами и грозил кулаками небесам, а по возвращении домой велел умертвить подаренного ему белого слона, вырезать у него сердце, зажарить и подать нам на ужин.

Знаете, а сердце слона — это вкусно. Никогда бы не подумал. Хотя с хоботом, конечно, не сравнить. Он в тушеном виде и вовсе объеденье!

А еще через пару месяцев мы лишились Греты. Не скажу, что нелепо, но... Ее похитили. Да-да, тут это в порядке вещей. Вождь одного из кочевых племен заметил ее на базаре, куда наша соученица отправилась в компании подруг. Смуглого кочевника пленили светлые волосы и впечатляющие формы нашей Греты настолько, что он заплатил огромные деньги за ее похищение. Есть тут такие умельцы, могут умыкнуть кого угодно откуда угодно.

Они, собственно, нам и поведали, кто был их заказчиком, когда мы, поняв, что случилось, начали поиски соученицы и быстро добрались до этих негодяев.

Одно плохо — опоздали мы. Грета по вредности характера недалеко ушла от Аманды, потому сразу же после того, как ее развязали, не стала слушать комплименты вождя, уверенного в том, что теперь эта красивая белая женщина никуда от него не денется, и выжгла ему глаза, попутно запалив все вокруг. Это Грету и погубило. На выходе из пылающего шатра ее встретили стрелы. Будь ты хоть трижды маг, но если тебя ими тыкали с головы до пят, жизнь закончена.

Мы перебили всех мужчин и часть женщин того племени, резня была страшная. Я такой откат словил, что потом еще сутки в себя приходил. Но месть — это святое. Там, дома, мы не смогли отомстить. Но тут у нас такая возможность есть.

Вот так, человек за человеком тают наши ряды, и даже вышеупомянутая месть, по сути, ничего не меняет. Друга-то не вернешь уже... Нас, между прочим, меньше двух десятков осталось. Филя я в расчет не беру, разумеется, особенно если учесть то, что кому-кому, а ему-то живется замечательно. Он теперь никаких забот не знает, только в придомовом маленьком фонтанчике плещется да служанок пугает.

— А дома сейчас весна, — сообщила Эбердин, выходя из шатра, присаживаясь рядом со мной и доставая из ножен меч, с которым она по-прежнему не расставалась. — Холмы зеленеют, и трава пахнет как молодое вино. Пастухи погнали овец на горные пастбища, а моя младшая сестра, должно

быть, готовится к танцам вокруг дерева с лентами. В этом году она как раз в возраст невесты вошла.

Мягкий лоскуток заскользил по и без того безупречно сверкающему лезвию. Год прошел, а она все на клинок не любит, тот, что ей старик из оружейной лавки подарил. Нет, она нам объяснила, что это не просто меч, а работа горского оружейника, который жил до Века смуты и творил клинки только для великих правителей и великих воинов. Не ковал, а именно творил. Каждый такой меч бесценен — не в смысле денег, а по сути своей. Для жителя Пограничья это святыня, обладать которой — невысказанная честь. Да и осталось таких мечей не больше десятка, причем все они находятся в руках вождей самых сильных кланов.

Вот Эбердин и обхаживает его каждый день, полируя безукоризненное лезвие и доводя его до... Даже не знаю, до чего именно. То ли идеала, то ли совершенства. И пусть ее. Каждый с ума сходит по-своему.

— Да чего вспоминать? — лениво ответил ей я. — Весна везде весна. И здесь — тоже.

— В этих песках не поймешь, какое время года на дворе, — проворчала горянка. — Днем всегда жарища, ночью холодища.

— Так сходи погрейся, — ткнул я пальцем в дальние барханы, на которых пылали десятки костров. — С час пути будет, не больше.

— Завтра погреюсь. — Эбердин легко вскочила на ноги, крутанула меч и наставила его острие на огни, отлично различимые в густоте ночи. — Уж не сомневайся.

ГЛАВА 2

Все так, все верно. Там грелись у огня те, за чью кровь и жизнь нам заплатили. Точнее — заплатят. Здесь не принято отдавать деньги заранее, и эта традиция нам до сих пор казалась странноватой. Как, впрочем, и то, что после с нами всегда рассчитывались сполна. Ни разу не обманули.

Впрочем, возможно, дело было в том, что никто не рискнул бы обмануть самого Сафара. Как ни крути, а за нашими

спинами стоял именно он. Вслух этого никто не говорил, но мы же не дети, правда? Причем, полагаю, не все заказы до нас доходили, какие-то из них повелитель Халифатов мог счесть неуместными или просто ненужными, чтобы не обострять ситуацию на своих землях.

В данном же случае все было ровно наоборот. Там, на соседних барханах, сейчас веселилось, горланило и жарило мясо одно из кочевых племен, которое порядком наследило в окрестных селениях. Несколько из них были сожжены дотла, какие-то изрядно разорены. У местных кочевников такое случается — ни с того ни с сего без какой-либо видимой причины они вдруг начинают жаждать крови, разбоя и насилия. Ладно бы голод там или скот весь пал, хоть минимальное объяснение такому поведению имелось бы. Но нет — вот просто захотелось им пошалить. Вспомнить традиции предков.

Иногда все заканчивается более-менее мирно — местный правитель прикрывает глаза на их бесчинства, особенно если жители не очень пострадали, принимает от вождя племени дорогие дары и заверения в том, что это было в последний раз, и все идет, как шло до того. Убитых мужчин и поруганных женщин жаль, но это жизнь, ничего не поделаешь.

А время от времени выходит так, как сейчас. Когда слишком много крови льется и домов сгорает. И тут самое главное — устроить показательную порку. Такую, чтобы остальные кочевники на какое-то время призадумались о том, что не только им дано убивать. Причем смерть — она тоже разная бывает. Одно дело — почетная, в бою, от сабли врага. А другое — та, которую завтра подарим им мы, маги. Точнее — маг и его ученики. Ну и приданное нам войско, не слишком многочисленное, но вполне достаточное для данного мероприятия.

Ясно же, что местный князек с нелепым именем Раманару сам сроду бы нас не позвал. Видел я его — тщедушный, с жиденькой бородкой, трясется весь от страха, халат в два раза его больше. Мало того — под весом медалей, на халате этом брякающих, чуть не падал. Есть у них тут такая традиция — обвешиваться побрякушками. Сами их чеканят, сами себя

награждают. Ну и соседям иногда перепадает. Чем больше разных медалей на халате, тем почетнее.

Ворону, кстати, уже парочка таких наград была вручена. Одна серебряная, другая золотая.

Так вот, это жалкое существо никак не тянуло на того, кто решил пустить кровь бесшабашным кочевникам. А вот Сафар — это да. Это на него похоже. И самое главное — он, если что, в стороне, вроде как ни при чем. Потому что высокому властителю не должно заниматься какими-то там бандитами, пусть даже и представляющими собой серьезную угрозу.

В общем, сложно у них все. Понятно, что нет государства без политических интриг, но тут, на мой взгляд, даже и слово это не очень подходит. Это у нас, в Королевствах — интриги. Здесь же какое-то определение похлеще надо. Это как огромный весенний змеиный клубок, когда чешуйчатые тела сплелись воедино настолько плотно, что даже невозможно понять, сколько вообще гадин там есть.

Но нам на это все наплевать. Интриги — они где-то там, в стороне. Наше дело — воевать и набираться ума-разума. То, что мы стали наемниками, не изменило нашего статуса. Мы все еще ученики мага, пусть и без перспективы получения посоха как такового. Ворон так и сказал:

— Нет худа без добра. Не придется мне на ненужный хлам с позолотой тратиться. А полноправными магами те из вас, кто доживет до конца обучения, все равно станут. Боги — они и здесь боги, видят то, что должно. Что до выпускных испытаний — и они никуда не денутся. Соберу пяток коллег из тех, что еще не совсем ум потеряли, благо тут их при дворах правителей немало отирается, и все честь по чести устроим. Да еще и местную знать пригласим на это мероприятие, пусть поглядят. Глядишь, тем, кто следующее утро живым встретит, о будущности своей думать не придется. Полагаю, они вас быстро к рукам приберут. А что? На вид-то вы у меня о-го-го. Молодые, толковые, в деле побывали, имеете определенную репутацию. Они же не в курсе того, какие вы на самом деле идиоты, верно?

Причем в дальний ящик наш наставник этот свой замысел откладывать не собирается. Гелла сказала, что он, пребывая в подпитии, ей заявил, что еще годик хочет с нами по пескам

побегать, дабы мы максимально поднатаскались в ремесле, а после воплотить задуманное в жизнь, то есть узаконить наш статус и пристроить каждого на теплое местечко. А сам отбудет в Центральные королевства долги возвращать. Дескать, пока Гейнард де Фюрьи что-то делать задумает, слишком много воды утечет.

Сама мысль о том, что мы все же станем магами, нам понравилась. А вот то, что Ворон нас, по сути, со счетов списал, пусть даже и с пьяных глаз, — не очень. Карл, Мартин и Гарольд активно порывались пойти и высказать ему все, что по этому поводу думают, мы их еле остановили.

И только Розы, услышав данный рассказ, скептически произнесла: «Ну-ну». Что она хотела этим сказать — непонятно, но ее чутье на вранье всем известно.

А ребят правильно к наставнику не пустили. Нет сейчас смысла руками размахивать, никто ведь никуда пока не едет. Для этого разговора будет свое время, то, когда корабль, направляющийся домой, поднимет паруса. Тогда мы взойдем на его борт, и ничего Ворон с нами сделать не сможет. Просто потому, что мы в тот момент уже не будем его учениками и сами сможем решать, с кем и куда ехать.

Хотя не факт, что так поступят все. Все знают, что Агнесс не хочет возвращаться туда, обратно. И Эмбер — тоже. Они до сих пор кричат во сне, снова переживая то ли близость смерти, то ли холод той зимы. И мы их не виним. И Агнесс, и Эмбер — дети Юга, их в Королевства и медовым коржилом теперь не заманишь. Тем более что де Прюльи наконец-то снова увидела родителей, по которым очень скучала. Дон Игнасио часто бывает в нашем доме, всегда привозя с собой гостинцы на всю нашу компанию и бочонок вина для наставника. И очень боится того, что его дочь опять отправится в неведомые дали, из которых, возможно, больше не вернется.

Девушки, разумеется, ничего такого никому не говорят, но мы все не слепые, все видим.

А вот Эль Гракх, чья мечта, о которой он мне не раз говорил, вроде бы полностью сбылась, напротив, очень даже хочет обратно на Запад. Для него, гордого пантийца, это вопрос чести.

И вообще, если Ворон хочет от нас избавиться, чего же тогда учит, как правильно убивать? Не лечить, не интриги плести, а именно убивать? Так что это все очередные шутки нашего наставника. Развлекается он так.

Поэтому каждый новый бой для большинства из нас как ступенька на длинной лестнице, по которой мы упорно движемся наверх. Это наш шанс овладеть искусством войны, которое необходимо для того, чтобы отомстить. И сегодняшнее сражение — не исключение.

— Нынче основной ударной силой будут... — Ворон покачался на носках сапог, глянул в сторону соседнего холма, где кочевники уже седлали своих коней и орали так, что даже мы их слышали вполне отчетливо. — Ле Февр, Фриша, Эль Гракх, Миралинда. Лидер — ле Февр. Фон Рут, Гелла — соглядатаи.

— Опять, Карл, нас обошли вниманием, — притворно вздохнул Гарольд. — Снова нам с тобой следить, чтобы кто-то к нашим позициям не прорвался, и звенеть сталью.

— Если бы кто-то пару месяцев назад чуть не упустил момент, когда Альба потеряла над собой контроль, то было бы по-другому, — язвительно ответила ему Гелла. — Ты же ее чуть к Престолу Владык не отправил!

Гарольд злобно засопел, но возражать не стал, поскольку знал, что соученица права.

В прошлый раз, когда мы охотились за беглым визирем из города Суланта, который при отбытии прихватил казну своего повелителя и сотню отборных вояк из его войска, мой друг здорово оплошал.

Мы загнали беглеца и его людей к скалам, не оставив им ни малейшего шанса скрыться. Единственная дорога, через которую они могли прорваться к морю, была перекрыта нами, так что выбора у них не осталось — либо умереть, либо пройти по нашим телам. Собственно, этого мы и добивались. Нет, не собственной смерти, разумеется. Сражения. Убить их мы могли и до того, причем без особого труда, вот только зачем? Полезный человеческий материал был бы изведен без малейшего смысла. Это не мои слова, это Ворон так выразился. Нас такая формулировка немного покорибила, все же о людях речь идет, но возражать никто не стал. Наставнику виднее. Да и плевать ему на наше недовольство, у него и

раньше характер был тяжелый, а за последний год совсем испортился. Ни нас не жалеет, ни себя, что уж говорить про остальное человечество?

Да еще визирь. Нам была необходима его голова как подтверждение того, что мы выполнили свою работу. Сожги мы этот караван еще там, в пустыне, как бы мы отличили его от других? После огня, низвергнутого с небес, все мертвецы на одно лицо. Сожженное до костей.

Короче, загнали мы крыс в угол. И те, естественно, решили вырываться на волю, как и положено. Выпили остатки воды, поорали, чтобы злее быть и убедить друг друга в том, что им горы по плечо, а после кинулись на нас, прищпоривая и без того измученных лошадей.

Порядок боя был неизменен — основную работу делали четверо из нас, двое стояли при них соглядателями, остальные же следили, чтобы какой-нибудь особо везучий отчаюга не смог добраться до наших друзей. Причем в этом случае данный вопрос был не праздным, при нас не имелось пары сотен солдат, которые могли служить прикрытием. Два десятка рубак — вот все, что нам придали для выполнения этого поручения.

Гарольда как раз и назначили соглядателям, его основная задача была не допустить того, чтобы кто-то из четверки, излишне усердствуя, вычерпал себя до предела. Резервы человеческой души не бездонны, что уж говорить про магические силы? Если же такое случится, если кто-то потеряет контроль над собой, то именно соглядатай обязан вывести его из боя и при необходимости заменить. Коллективные заклятия — штука тонкая, их структуру разрушить легко. Да и убойная сила их уменьшается при потере одного из звеньев.

А Гарольд отвлекся, глаза на то, как призванный ребятами камнепад дробит головы солдат и лошадей, потому прозевал момент, когда Эмбер коротко вскрикнула и повалилась на песок, заливая его кровью, хлынувшей из носа и рта. Хорошо еще Розы, которая стояла с ним в паре, успела перехватить упущенный поток силы, перевести его на себя и направить в нужное русло, а то бы смяли нас остатки беглой сотни. Порубили бы и ушли к морю.

Эмбер потом чуть не умерла, еле откачали. Нет, она тоже хороша: если осознаешь, что все, доньшко показалось, откат

дожимает, так остановись. Учитель про это много раз говорил.

Но основная вина — Гарольда. Потому никто за него и не вступился, когда Ворон после боя гонял моего друга по округе, сыпля ругательствами и размахивая невесть где подобранной увесистой палкой. И, само собой, до сих пор злопамятно отстранял его от серьезных дел.

Но то его. Меня же, напротив, наставник через раз ставил на острие атаки, что позволило соученикам ехидничать, утверждая, что я теперь его любимчик.

А мне нравилось. Нет, не подначивание ребят, а сам процесс магической атаки. Это ни с чем не сравнимое ощущение, когда четверо становятся одним целым, когда через вас идут потоки магической энергии, материализующейся над полем битвы и несущей смерть врагам.

Если бы мы все это умели тогда, в прошлом году, может, и замок бы удалось отстоять, по крайней мере на то время, которое необходимо для относительно неспешных сборов и более продуманного бегства. И ребята бы не погибли.

Хотя, может, и нет. Там был Гай, он один стоил десяти таких отрядов, которые пожаловали под стены Вороньего замка. Разорвал бы он нас в клочки, вот и все. И плевать ему с самой высокой ратуши на то, что учеников другого мага убивать нельзя. Он и так уже нарушил все запреты богов, какие можно. Ворон выжил бы, а мы — нет.

Но и соглядатайство — это очень важно. Почему — я уже объяснил. Единственно, нам всем не очень нравилось то, как наставник данный процесс называл, было это слово крайне неприятным, но кто бы нас слушал...

Тем временем кочевники наконец закончили орать, вытащили сабли и под дружное улюлюканье своих жен и чумазых детей, которые столпились вокруг повозок, помчались в нашу сторону.

— Работайте, — скомандовал Ворон, сложил руки на груди и застыл на месте словно памятник самому себе.

Монброн устремился вниз, туда, где Карл, надсаживая глотку, отдавал команды нашему немногочисленному воинству.

— Начали, — негромко пискнула Магдалена, которую впервые на моей памяти учитель назначил главной, и подняла руки к небу, пропуская через себя силу соучеников. — «Частокол»!

«Частокол» — заклятие несложное и для человека в принципе не очень опасное. Пешего человека. Но вот для лошадей, да еще и мчащихся на полном ходу, оно губительно невероятно, так как представляет собой не очень высокие, ниже колена, но острые шипы, преодолеть которые коннице крайне проблематично, особенно в ситуации, схожей с этой, когда пространство для битвы ограничено. Просто в силу того, что ни лошадь, ни наездник не успевают среагировать на их появление и вильнуть в сторону нет никакой возможности. Проверено, работает безотказно.

Первая шеренга налетела на возникшие из-под песка шипы, и в тот же миг ложбинка между двух холмов огласилась жалобным ржанием искалеченных лошадей, криками людей, слетевших со спин своих скакунов, и стонами первых раненых. И, естественно, заковыристой восточной бранью.

Надо отдать должное вожаку неприятеля, он сумел среагировать быстро и отдать нужные команды, после чего уцелевшие кочевники двумя потоками стали обтекать возникшую из-за «Частокола» сутолоку и устремились к нам.

— «Угли», — приказала Магдалена и вытянула руку, направляя ее на завывающих воинов пустыни. — Левый фланг.

Маленькие огненные росчерки осыпали врагов, они появились прямо из напоенного утренним зноем воздуха. И снова первыми пострадали лошади, на каждую из которых пришлось не менее пяти—семи пышущих багровым жаром негаснущих углей, причинявших им невероятные страдания.

Кони бились в судорогах боли, катались по песку, стараясь избавиться от той напасти, что на них свалилась с небес, и тем самым давили своих наездников, которые даже не успевали покинуть седла.

— «Небесная кара»!

Молнии ударили с ясного неба, заставив завопить от ужаса не только правый фланг кочевников, который, кстати, близко к нам подобрался, но и их родню. Согласен, выглядит это и в самом деле впечатляюще.

Не очень большие, сине-белые, искрящиеся от напитавшей их энергии, чем-то похожие на призрачные стрелы, они, словно ливень, осыпали наших противников.

Мощное заклинание, много сил требует. Я бы не рискнул подобное применять, особенно в компании с Фришей, запасы магических сил которой не так уж велики. Да и тактически это не слишком верно. «Небесной карой» хорошо добивать врага, когда тот уже на последнем издыхании. Уж лучше так, чем потом бродить по полю боя, выискивать недобитков и резать им глотки. Ну да, мы сами таким не занимаемся, для этого есть приданные нам вояки, но тем не менее.

Хотя случалось всякое, пару раз и нам приходилось ходить среди трупов и искать выживших. Мерзко, противно, но нужно. Живых врагов за спиной мы отныне не оставляем, таково пожелание Ворона. Точнее, требование. Миралинда тогда, в самый первый раз, попробовала было взбрыкнуть, мол, бесчестие это, нельзя так с людьми, но наставник так на нее наорал, что она первая кинжал обнажила и побежала его приказ выполнять.

Вот, я же говорил. Фриша вся побелела, синие ручейки вен у нее на шее пульсируют так, что вот-вот кожу прорвут.

Бой близится к концу, это ясно, но о победе пока говорить рано. Придется меняться с ней местами.

— Фон Рут, не лезь, — внезапно остановил меня Ворон. — Пока рано.

Гелла с удивлением глянула на наставника, я же только покорно кивнул.

— «Петля из песка», — тем временем скомандовала Магдалена.

Хороший выбор. Грамотный. Большая часть противника убита или искалечена, нет смысла применять нечто масштабное, теперь война идет просто на уничтожение оставшихся. Правда, хорошо это заклятие только для здешних мест, в Центральных королевствах такой номер не пройдет. Нет там столько песка.

И вот уже один за другим оставшиеся в живых кочевники умирали от стягивающих шеи песчаных удавок, которые подобно змеям обвивали их тела.

Фриша шаталась, но не падала, из левой ноздри у нее потекла струйка крови.

— Наставник, — пробормотала Гелла, подставляя плечо подруге. — Она почти исчерпала себя.

— Меняй, — хмуро разрешил Ворон, недовольно поджимая губы.

Уже не в первый раз он Фришей недоволен, я это заметил. То ли дело в том, что наша приятельница все чаще стала путаться с сыновьями эмиров и прочих высокопоставленных вельмож, то ли в том, что ни разу ни одного сражения до конца не смогла выстоять. А может, и в том, и в другом.

Собственно, дело шло к концу. Уцелевшие кочевники поспешно улепетывали к своему бархану, на котором безостановочно выли женщины, не до конца понимавшие, что происходит. Эти дети пустыни были почти незнакомы с магией, кроме разве примитивного шаманства, помогавшего лечить кое-какие болезни и отыскивать воду под песком. Потому для их разума было недоступно осознание того, почему их мужья, сильные и смелые воины, так быстро умерли, не взяв при этом ни одной вражеской жизни.

Магдалена не спешила, она ждала, пока все выжившие доберутся до того места, откуда они недавно так отважно кинулись нас убивать. Какой смысл тратить силы, ловя их по одному?

Скажу честно — и для меня, да и почти для всех остальных именно этот, финальный аккорд битвы поначалу давался тяжелее всего. Одно дело — убить бойца, воина, того, кто рвется тебя прикончить. И совсем другое — то, что сейчас предстоит сделать моей соученице. А предстоит ей закончить работу.

Да, когда мы мстили за смерть Греты, мы тоже смешали с песком целое поселение, если можно так назвать лагерь кочевников. Но там мы действовали в запале от потери близкого человека, почти родича. Ситуация другая.

Но вот так, расчетливо и безжалостно расправиться с теми, кто безоружен, — это, знаете ли... И не важно, что каждая из этих женщин не задумываясь перерезала бы горло любому из нас, имейся у нее такая возможность. Все равно там, в глубине души, у нас остались еще какие-то чувства, ограничения

и память о запретах богов, которые те накладывали на людские деяния.

Вот только Ворону никакие законы не писаны — ни людские, ни божеские. И жалости у него тоже нет, ни к врагам, ни к ученикам. Он если что и оставляет за собой с того момента, как мы встали на стезю наемничества, так это только трупы. Точнее, мы их за собой оставляем, следуя его приказам.

Кочевники спешно собирались, то и дело поглядывая на нашу сторону, как видно недоумевая, отчего мы медлим. И несомненно надеясь на то, что на этом битва закончена. Собственно, по их меркам так оно и было. Они показали спину врагу, по кодексу воина пустыни это равняется поражению. Это позор, который теперь клану смывать с себя поколений пять — семь. А еще это лишает их вождя права сидеть у костра с равными себе на ежегодном большом сборе племен, который они проводят в хорошо знакомых нам местах, неподалеку от Гробниц пяти магов. Но это же дает им право на жизнь.

Повторюсь — по их меркам все уже закончилось. Но не по нашим. Нам заплатили за то, чтобы это племя перестало существовать. Полностью. Навсегда. Разве что парочке подранков мы уйти дадим, чтобы те донесли до соплеменников из других кланов весть о том, как повелители Халифатов карают зарвавшихся наглецов.

На Магдалену было больно смотреть, она еще никогда ничего подобного не творила, потому что до сегодняшнего дня лидерство ей не доставалось. Чаще всего эта доля выпадала ребятам. Или Розы, ее Ворон в последнее время выделял из остальных, часто ставя в одну пару со мной, что давало Карлу темы для бесконечных шуток.

— Кого ждем? — недовольно пробурчал Ворон. — Они уже лошадей в повозки запрягли.

И верно — осмелевшие кочевники, поверившие в то, что сражение в самом деле закончилось, ловко поймали десяток уцелевших лошадей, метавшихся у бархана, запрягли их в свои двухосные повозки, заваленные скарбом, посадили возницами детей постарше и собирались побыстрее отсюда убраться. Не сомневаюсь, что каждый из них сейчас давал в душе клятву после найти нас и порезать на куски. Каждый, от

воина до ребенка. Эти люди ничего не прощают и умеют ждать. Лет через пятнадцать клан снова окрепнет, подростки станут воинами, а в животах женщин уже будут толкаться ногами новые дети. И тогда кочевники придут за нашими жизнями. В Халифатах по-другому не бывает.

Точнее, пришли бы. Но не придут.

— «Бездна под ногами». — В голосе Магдалены слышалась дрожь, пусть и еле различимая.

Не беда, у меня в аналогичной ситуации тоже, знаете ли, уверенности маловато было. Убивать я привык, но не так же. А заклятие снова подобрано абсолютно верно. Мощное и действенное, то, в которое не жалко вложить остаток сил. Достойная финальная точка.

Песок под ногами кочевников дрогнул раз, заставив детей заверещать, потом другой, а на третий вся эта пестрая и вопящая компания обрушилась вниз так, словно кто-то убрал из холма все, что там было. Будто некий гигантский рот открылся, проглотил наших недавних врагов, а после снова закрылся.

И наступила тишина, только песчаные струи осыпались по бокам холма, на котором мгновение назад бесновалась толпа людей.

— Сколько раз вижу, столько впечатляюсь, — вытерев кровь, все еще текущую из носа, сказала Фриша. — Страшное дело!

Впрочем, не она одна была впечатлена. На песке, между трупов людей и лошадей еще осталось полтора десятка недобитков, которые, увидев сцену гибели своего племени, тоже очень близко приняли произошедшее к сердцу. Они силились подняться, призывали на наши головы все возможные бедствия, сквернословили и скрипели зубами.

Как будто нам могли повредить их наивные слова. Мы все уже прокляты, нам терять нечего. И бояться — тоже.

Да и потом, смерть их близких была хоть и страшной, но быстрой. А вот им суждена куда более неприятная участь. Их будем убивать не мы, а как раз те два десятка воинов, что приданы нам местным владыкой. С учетом того, что эти ребята очень, очень не любят кочевников, так как у каждого в семье есть погибшие от их рук, на легкую смерть рассчитывать подранкам не приходится.

Магдалену вырвало, то ли от перенесенного напряжения, то ли все же женская суть давала о себе знать. Повторюсь — Ворон за этот год научил нас убивать, не раздумывая и не сожалея о сделанном, но одно дело — прикончить пару человек, и другое — обречь на гибель сразу столько душ.

— Пошли наши охранники мародерствовать, — сообщил Мартин, поднимаясь к нам. — Хлебом не корми, дай покойников обобрать.

Это он сейчас такой спокойный, а в самом начале, когда Ворон запретил обшаривать убитых, негодованию его не было предела. Вся разбойничья натура Мартина протестовала против такого расточительства. Да и кое-кто из наших его поддержал, пусть и шепотом.

Но наставник был тверд как скала. Разграбить обоз вору-ги-казнокрада — пожалуйста. Забрать драгоценности и оружие мятежного принца тоже можно. Но резать у мертвых пальцы ради перстней и выворачивать их карманы нельзя. Почему — никто так и не понял, а уточнять побоялись.

— Что взято с мертвого врага — то законная добыча, — привычно-лениво сообщил ему Жакоб. — Мне один знающий человек еще в той жизни это сказал. Он сам в прошлом воякой был, на вот такую же добычу после харчевню открыл. Какой-никакой, а достаток. Я, если бы к мастеру в ученики не попал, все одно в наемники подался. И профессию получишь, и на старость денег скопишь.

— Если не убьют, — уточнила Роза.

— А коли убьют, так и голова ни о чем болеть не станет, — парировал Жакоб. — Так-то!

— Кто тут о голове речи ведет? — весело спросил Монброн, присоединяясь к нам. — Вот она. Какой красавец, а!

И он показал нам свежеотрубленную голову, с которой на песок все еще капала кровь. Это был вождь кочевников, потому что татуировку солнца на лбу простой воин, пусть даже очень уважаемый, себе наколоть не мог. Такие имели право носить только вожди, а также их сыновья и внуки, то есть те, кто со временем займет место предводителя.

— Представляете, он еще дышал! — поделился с нами Гарольд и тряхнул голову. — Ух, сколько же жизненной силы в этих детях пустыни! Ему лошадь грудную клетку раздавила,

«угли» две дырки в животе выжгли — и хоть бы хны. Лежит, глазами крутит, хрипит, ладонью песок скребет, рукоять сабли ищет. А сабля — тью-тью. Я пошарил вокруг, но не нашел. Жаль, жаль. Как правило, у вожаков кланов хорошее оружие встречается, со сталью старойковки.

— Да, крепкий народ, — согласился с ним Эль Гракх. — Наставник, будем мародеров ждать? Или пусть догоняют, как закончат?

Ворон глянул на небо, где уже кружились стервятники, поправил шляпу и проворчал:

— Убедись, что живых не осталось, и скажи этим, что мы отправляемся. Хотелось бы до ночи добраться до оазиса. Воды осталось маловато.

Эль Гракх отправился вниз, а наставник продолжил свою речь:

— Магдалена, ты молодец. Фриша, это последний раз, когда я поставил тебя на острие атаки. Ты слишком слаба, ты можешь испортить все. Знания есть, но сил для надлежащих манипуляций у тебя не хватает.

— Мастер! — обиженно взвыла наша соученица.

— Именно, — холодно ответил ей Ворон. — Я твой мастер, а это мое решение. Не самый серьезный бой, не самый сильный противник, но тебе и этого хватило с лихвой, чтобы скиснуть. А теперь представь, что мы участвуем в серьезной битве, что мы часть стратегического плана Сафара и себе, по сути, не принадлежим. Наша задача — поддержать своей мощью определенный участок сражения, от которого, возможно, зависит общий успех всего дела. И из-за тебя мы не выполняем то, что на нас возложили. Наши войска бегут, неприятель на их плечах входит в столицу, власть в Халифатах поменялась, и с этого момента мы снова бездомные. Мало того — мы враги для всех. Для нового повелителя, поскольку наша компания выступала в войне против него, для Сафара, которого мы подвели, для... Для всех! И вот тогда начинается самое интересное. Мне продолжать или ты все уже поняла?

— Не дура, — шмыгнула носом Фриша.

— И в этом я тоже не уверен, — свел брови Ворон. — Если бы у тебя имелись хоть какие-то зачатки разума, то ты сама бы мне давно сказала то, что сейчас прозвучало. Ты же зна-

ешь свои пределы, понимаешь, что тебе по плечу, а что нет. И молчишь. В результате пришлось устраивать это представление и данную унижительную процедуру.

— И куда мне теперь? — просто-таки звенящим голосом спросила у наставника Фриша. — Если я вам не нужна?

— Боги, за что вы меня караете своим гневом раз за разом? — простонал Ворон. — Де Фюрьи, у меня нет больше сил. Объясните вы этой... Ы-ы-ых! Коня мне!

В итоге никто из нас не мог всю обратную дорогу понять, чего хочется больше, — то ли Фришу пожалеть, то ли отругать, то ли удавить. Просто она разозлила наставника до такой степени, что тот с нами аж до самого возвращения в город не разговаривал. Возможно, и там бы продолжил молчать, выбрав себе в собеседники кувшин с вином, он так поступал всякий раз, возвращаясь из поездки, кабы в гостиной того дома, что нам отвел под жилье князек с дурацким именем Раманару, не обнаружился неожиданный гость из числа тех, от визита которых не знаешь чего и ждать.

ГЛАВА 3

— Удачен ли был ваш поход?

Именно такими словами поприветствовал нас, запыленных и голодных, капитан Равах-ага, на чьем судне, носившем название «Луноликая Лейла», мы в свое время добирались до Гробниц пяти магов. Да и потом капитан нашей компании здорово помог. Не появившись во время схватки с бойцами ордена он сам и его люди, и лежать бы нашим костям, занесенным песком, у стен гробниц.

Да и после бегства в Халифаты мы с Равах-агой несколько раз пересекались при дворе Сафара. Он всегда демонстрировал нам свое дружелюбие, а Ворону даже подарил трубку, отделанную золотом, и кисет очень дорогого табаку, объяснив это тем, что учитель его давних друзей для него, Равах-аги, почти как отец. Ясно, что все это не просто так делалось, тут вообще бескорыстие не в чести, но рамки приличий были соблюдены.

Также ясно было и то, что он в этом захолустье сегодня появился не случайно. Не скажу, что до моря отсюда очень-то далеко, но все же... Да и путь все по пескам пролегает, не сильно любимым отважным капитаном. Вывод? Что-то ему от нас надо.

— Хвала богам! — Гарольд, вошедший в дом первым, сбросил сумку с плеча в угол. — Рад вас видеть, почтенный Равах-ага.

— А где ваш учитель? — Гость, задав вопрос, не стал дожидаться ответа, поскольку заметил Ворона, появившегося за нашими спинами. Он встал, приложил руку к сердцу и поклонился ему. — Мое почтение, мудрейший маг. Понимаю, что нарушаю все правила, какие только существуют, но не уделите ли вы мне немного вашего драгоценного времени? Очень важный разговор есть. Невероятно важный, безотлагательный и для вас небезынтересный.

Ворон, который изрядно устал с дороги, недовольно засопел, но все же отказывать капитану не стал. Он, как и мы, прекрасно понимал, что Равах-ага не просто какой-то моряк или контрабандист. Этот внешне безобидный и дружелюбный человек был вхож во внутренние покои самого Сафара и, по слухам, не раз выполнял его личные поручения, что говорило об очень высоком положении при дворе.

Будь ты хоть трижды великий маг, но если ты зависишь от воли могучего повелителя, то с придворными приходится считаться, таковы законы бытия. Мы пока зависели, и сильно.

Наставник скинул плащ на руки Жакоба, отряхнулся и хрипло гаркнул:

— Вина мне и гостю. И убирайтесь отсюда. Думается мне, что речи досточтимого Равах-аги не для ваших любопытных ушей.

— Пока пусть останутся, если вы не против, — снова поклонился мастеру капитан, а после припечатал ладонь к столу. — Вот, посмотрите. Вы ведь уже видели такую вещицу? Думаю, во время ваших... э-э-э... ваших последних путешествий по землям Запада она хоть раз да попалась вам на глаза?

Мы столпились вокруг стола.

— Ну а как же, — пробасил Карл, ковырнув ногтем металл небольшого медальона. — Видали.